

Н.Е. ПОКРОВСКИЙ
Г.В. ИВАНЧЕНКО

УНИВЕРСУМ ОДИНОЧЕСТВА

Социологические и психологические очерки

Москва • Логос • 2008



УДК 1 + 31 + 159.9

ББК 87 + 88.52

П 48

А в т о р ы:

Н.Е. Покровский (предисловие, главы 1–4);

Г.В. Иванченко (предисловие, главы 5–10)

Покровский Н.Е., Иванченко Г.В.

П 48 Универсум одиночества: социологические и психологические очерки / Н.Е. Покровский, Г.В. Иванченко. – М.: Логос, 2008. – 408 с.

ISBN 978-5-98704-223-2

Анализируются философские, теоретико-социологические и психологические аспекты одиночества и анонии. Рассматриваются методологические подходы к феномену одиночества. Последовательно реконструируются этапы философского осмысления одиночества в истории мировой культуры. Освещаются некоторые историко-философские и социальные проблемы. Особое внимание уделяется современным теориям глобализации в ракурсе социологии личности и конструирования идентичностей. Раскрываются взаимосвязь и взаимозависимость анонии и одиночества в социальной теории, что позволяет наметить ряд новых направлений прикладных исследований и практической консультативной работы. Приводится обширная библиография, представляющая интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

Для философов, социологов, психологов. Представляет интерес для широкого круга читателей, интересующихся проблемами человечества.

ББК 87 + 88.52

ISBN 978-5-98704-223-2

© Покровский Н.Е.,
Иванченко Г.В., 2008

© Логос, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

Часть I

Философские и теоретико-социологические грани одиночества и аномии

<i>Глава 1.</i> Методологические подходы к изучению одиночества	15
Понятийное многообразие	15
Типология методов	22
Феноменологические модели	38
<i>Глава 2.</i> Одиночество как историко-философская и социально-философская проблема	56
Как возникло одиночество? На путях формирования проблемы	56
Ранняя протестантская этика и дух одиночества	70
Романтическая версия одиночества и уединения в социальной философии американских трансценденталистов	90
Общение как высшая гуманистическая ценность. Антропология Людвиг Фейербаха	130
Отчуждение—одиночество—общение в ранних произведениях Карла Маркса	133
Затерянность в пустоте рационалистического мира (Сёрен Киркегор и Фридрих Ницше)	160
<i>Глава 3.</i> Аномия, или человеческое измерение социальной структуры	184
Понятие аномии и его смысловые грани	184
Эмиль Дюркгейм об аномии и самоубийстве	188
Аномия и социальная структура в функционалистской теории Роберта Мертона	202
Теория аномии после Роберта Мертона	232

<i>Глава 4.</i> Глобализационные границы одиночества	260
Глобализация, культура, личность:	
реальные процессы и теоретические конструкты	260
Одиночество в корпоративном университете.....	275
Список литературы к части I	288

Часть II

Психология одиночества: личностное измерение

<i>Глава 5.</i> Одиночество как антропологическая константа	299
<i>Глава 6.</i> Возрасты одиночества	306
Младенчество и детство	306
Отрочество и юность	314
Молодость (ранняя зрелость) и зрелость	318
Oldиночество	325
<i>Глава 7.</i> Пути к одиночеству	331
Затруднения общения: нарушения техники или... ..	334
Боязнь любви как путь к одиночеству	338
Нелюбовь к себе	340
Поиски идеала	344
Аддитивность и одиночество	348
<i>Глава 8.</i> Преодоление одиночества	357
Помощь другим как стратегия преодоления	
своего одиночества	358
Несколько слов о терапии	365
Преодолимость и непреодолимость одиночества	368
<i>Глава 9.</i> Научение одиночеству	375
<i>Глава 10.</i> Одиночество как совершенное состояние	
(вместо заключения) 392	
Список литературы к части II	401

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Человек, достигший сознания настоящего, одинок», — заметил Карл Густав Юнг. И продолжил: «Современный человек во все времена был таковым, ибо каждый шаг к более полной сознательности удалял его от изначального, чисто животного *participation mystique* со стадом, от погруженности в общую бессознательность». В такой решительной и недвусмысленной форме один из крупнейших социальных мыслителей XX в. поставил вопрос, затрагивающий одну из самых больных тем современного, да и любого иного общества. Не есть ли одиночество извечное, экзистенциальное состояние человека, укореняющееся в нем тем больше, чем выше человек поднимается над своим животным естеством? Не становится ли одиночество оборотной стороной цивилизации, а быть может, и ее лицевой стороной?

Однако предлагаемое вашему вниманию издание не имеет своей главной целью сконструировать ответы на поставленные вопросы. В значительной степени общая задача книги заключается в рассмотрении процесса формирования понятий «одиночество» и «аномия» в истории социальной философии и теоретической социологии, анализе структуры этого процесса и его рефлексий в современной культуре, а также разговоре о психологии одиночества и способах его терапии. Хотя решение этой задачи едва ли возможно без ответа на вопрос, поставленный Карлом Юнгом.

Об одиночестве говорить непросто. Этот феномен чрезвычайно распространен в самых разнообразных формах. Каждый человек пережил его в той или иной степени на определенных этапах жизни и потому имеет собственное мнение относительно природы одиночества, как правило подтверждаемое личным опытом. «Я совершенно точно знаю, что такое одиночество!» — утверждают многие, при этом часто имея в виду отличающиеся друг от друга явления.

Распространенность феномена одиночества и его своеобразная доступность часто приводят к абсолютизации личного опыта, что создает немало трудностей для серьезного научного исследования. И тем не менее, значимость теории остается непререкаемой. Теория создает идеальный тип (или типологию), который не только может и должен оказывать воздействие на общественное сознание, но и помогает отдельной личности осмыслить или переосмыслить индивидуальный опыт.

Интерес к проблеме одиночества и анонии возник у авторов данной книги более двадцати лет назад — в контексте совершенно иной социальной и духовной ситуации, характерной в середине 80-х гг. XX в. для российского, вернее еще советского, в то время общества. Страна вошла в предкризисную полосу, вскоре сменившуюся длительным и крайне болезненным периодом социально-политических и экономических трансформаций самого различного характера. Советский человек впервые за многие десятилетия реально почувствовал себя не полностью совпадающим с системой и коллективом, а имеющим возможность обладать собственным, частным миром, в той или иной степени отличным от системы бюрократической государственной идеологии. И эта приоткрывшаяся свобода, в частности свобода восприятия самого себя как индивидуальности, вызвала к жизни целый ряд новых социальных и социально-психологических состояний, не известных прежде.

Между тем государство и его идеология, несмотря на определенные послабления, по-прежнему представлялись вполне монолитными. При чем эта монолитность, по крайней мере в узловых элементах системы, не сгладила отпечаток вечности, замыкающей исторический горизонт.

Сочетание некоторой свободы поздней советской эпохи предперестройки, с одной стороны, и ограниченности исторической перспективы, с другой, приводило к возникновению целой гаммы социально-психологических реакций, обретавших воплощение в самых разных формах сознания и деятельности. Состояние постоянного беспокойства; ироничность по отношению к бюрократии/партократии и ощущение полной зависимости от нее; странное сочетание общественного скепсиса с нравственным и историческим идеализмом; критика системы в целом и вместе с тем неосознанная вера в ее вековую стабильность; презрительное отношение к официальному патриотизму и, одновременно, совершенно некритичная оценка Запада; стремление проникнуть за пределы железного занавеса и ностальгическое культивирование своеобразной русскости; поиски теоретических альтернатив казенному марксизму,

использование эзопова языка и двоемыслие в области любой теоретической и творческой деятельности; двойничество в частной и общественной жизни... Вот лишь некоторые противоречивые черты того времени, которые вели к фундаментальному диссонансу частного и общественного, личности и социальной системы.

На острых гранях (подчас весьма острых) этих состояний общественного сознания возникало одиночество — болезненное чувство затерянности личности в лабиринтах бюрократически обезличенной системы. И хотя одиночество не сочеталось с официальными догматами идеологии (в коллективистски ориентированном обществе, как известно, по определению не может быть места одиночеству), оно тем не менее в той или иной степени все более овладевало мыслящими людьми и становилось предметом изучения, правда не столько в общественных науках, сколько в художественном и литературном творчестве.

Именно в те годы у авторов и возник проект — провести историко-философское и историко-социологическое исследование одиночества с целью классифицировать и обобщить различные теории, трактовавшие этот феномен человеческого сознания, и тем самым ответить на, казалось бы, простой вопрос: что же, на самом деле, есть одиночество, с научной точки зрения?

Исходным пунктом данного исследования стали опубликованные Н.Е. Покровским работы по истории американского пуританизма XVII–XVIII вв. и американского трансцендентализма XIX в., прежде всего связанные с социально-философским наследием Генри Торо и Ральфа Эмерсона*, в рамках которого особое внимание уделялось романтической концепции личности и одиночества. В ходе исследования стало ясно, что проблема весьма многоаспектна как в историческом, так и теоретическом отношении. Возникла необходимость рассмотрения целой галереи мыслителей прошлого и настоящего, внесших большой вклад в теоретическое осмысление одиночества и сопряженных концепций. Круг тем, теорий, имен и анализируемых публикаций лавинообразно расширялся. Порой казалось, что чуть ли не каждый социальный философ и социолог-теоретик, не говоря уже о писателях и деятелях искусства, может быть рассмотрен в контексте проблемы одиночества. Это потребовало решительного ограничения области исследования и включения в нее лишь избранных фигур и теорий, наиболее показательных с точки зрения авторской концепции.

* См.: *Покровский Н.Е.* Генри Торо. М., 1983.